

МАРИО
ПАЙЕРАС
НОАМ
ХОМСКИЙ

ДНИ В ДЖУНГЛЯХ

ГВАТЕМАЛЬСКИЕ
ПАРТИЗАНЫ
ПРОТИВ
ЛАТИФУНДИСТОВ

Против течения

Ноам Хомский

**Дни в джунглях. Гватемальские
партизаны против латифундистов**

«Алисторус»

1979

УДК 323.1
ББК 66.3(4)/66.3(8)

Хомский Н.

Дни в джунглях. Гватемальские партизаны против латифундистов /
Н. Хомский — «Алисторус», 1979 — (Против течения)

ISBN 978-5-00269-568-3

Гражданская война в Гватемале продолжалась 36 лет (с 1960 по 1996 год). Партизанское движение во главе с организацией FAR воевало против крупнейших в Западной полушарии латифундистов - «последних феодалов Запада». Война запомнилась невероятной жестокостью, геноцидом индейцев со стороны правительства Гватемалы, вмешательством армии США и американских ультраправых протестантских террористов. В этой книге представлены воспоминания одного из лидеров партизан - Марио Пайераса. Подробные комментарии к ним написали его давние друзья - американские исследователи с мировым именем Ноам Хомский и его дочь Авива Хомская. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323.1
ББК 66.3(4)/66.3(8)

ISBN 978-5-00269-568-3

© Хомский Н., 1979
© Алисторус, 1979

Содержание

Марио Пайерас, Ноам Хомский	6
Гватемала: реформа, революция и геноцид	6
Зоны развития: северная трансверсальная полоса и петен	10
Хронология жизни Марио Пайераса	22
Глава первая	23
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марио Пайерас, Ноам Хомский
Дни в джунглях
Гватемальские партизаны против

© Пайерас М., 2026

© Хомский Н., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Марио Пайерас, Ноам Хомский **Дни в джунглях**

Гватемала: реформа, революция и геноцид **Ноам Хомский, Авива Хомская**

Репрессии, последовавшие за переворотом 1954 года в Гватемале, а также новые формы вмешательства США, новые тенденции в католической церкви и марксистские революционные организации – всё это привело к обострению борьбы за землю и за права трудящихся, усилению репрессий и сопротивления в 1970–80-х годах. Рассматриваются христианские общинные базовые группы, рабочие и крестьянские организации, вооружённое партизанское движение, общины сопротивляющегося населения, а также гражданские патрули, эскадроны смерти, массовые убийства и исчезновения. Ставится вопрос, почему чудовищные репрессии в Гватемале оставались в значительной мере незамеченными в Соединённых Штатах, даже когда нарушения прав человека в других странах привлекали больше внимания СМИ.

После переворота 1954 года первоочередной задачей США было подавление политических и социальных движений, которые угрожали их интересам в Гватемале. Это потребовало кровавой бойни. ЦРУ помогло новому правительству Гватемалы составить чёрный список из семидесяти тысяч предполагаемых коммунистов, который в итоге охватил около 10 процентов взрослого населения. За этим последовали массовые увольнения, аресты, пытки и исчезновения. Посольство США с одобрением отмечало, что подобные меры являются «приемлемым способом восстановления той трудовой дисциплины в сельском хозяйстве, которую владельцы и управляющие считают необходимой».

Тем не менее собственное расследование посольства ставило под сомнение природу «коммунистической» угрозы. Антрополог, нанятый посольством для изучения политических взглядов гватемальцев, заключённых новым режимом, обнаружил, что ни один из них не был членом Коммунистической партии Гватемалы, а немногие вообще слышали о Карле Марксе. Это были активисты, но местные активисты, занимавшиеся локальными проблемами. Семьдесят пять процентов участвовали в политических партиях, профсоюзах, крестьянских лигах и аграрных комитетах.

Десятилетняя революция принесла не коммунизм, а «социологическое пробуждение», позволившее бедным людям поверить, что они могут организовать защиту своих прав, – «осознание того, что некоторые из прежде принятых ролей и статусов в социальной системе больше не ограничиваются прежними правилами и что внезапно открылись новые каналы для выражения и удовлетворения потребностей. Прежде установившиеся отношения между политическим лидером и крестьянином, между работодателем и тружеником, между индейцем и ладино не изменились внезапно, но теперь появилась возможность внести в них некоторые перемены».

Именно это пробуждение и угрозу эксплуататорскому социальному порядку США и стремились уничтожить после переворота. В течение нескольких месяцев США укрепили связи с гватемальскими военными и полицией, предоставляя помощь и обучение для поддержки способности правительства «поддерживать внутренний порядок» и для формирования «идеологической ориентации» военных. Однако они старались действовать осторожно, потому что «было бы губительно... если бы стало известно, что мы диктуем ходы во внутренних политических вопросах».

Логика, лежавшая в основе неприязни США к Арбенсу и решения свергнуть его, проявилась в том, как США попытались перестроить Гватемалу после переворота. Народные мобилизации и земельная реформа угрожали интересам иностранных инвесторов и земельной элиты. США стремились к благоприятному инвестиционному климату, в котором американские компании могли бы получать прибыль. Это означало отмену реформ эпохи Арбенса, которые были направлены на предоставление прав бедному большинству, разделение с ним богатства и власти, и возвращение этих привилегий олигархии и иностранным инвесторам. Для этого потребовалось массовое использование террора на протяжении нескольких десятилетий, чтобы убедить бедняков в том, что они не могут «организоваться для защиты своих прав», и восстановить «прежде установившиеся отношения между политическим лидером и крестьянином, между работодателем и тружеником, между индейцем и латино».

После переворота администрация Эйзенхауэра стремилась «превратить Гватемалу в витрину» путём «направления иностранного капитала в новые сферы инвестиций», особенно в стратегическое сырьё, такое как нефть, полезные ископаемые, лесоматериалы, а также в прибыльные секторы, например производство и банковское дело. Американские эксперты навели Гватемалу, чтобы переписать законы страны, регулирующие иностранные инвестиции. «Налоговые льготы, закон о гарантиях инвестиций и конвертируемость валюты помогли привлечь американский бизнес в Гватемалу».

Чтобы новые законы в полной мере удовлетворяли их потребностям, США платили потенциальным инвесторам за их написание. Американская консалтинговая фирма из нефтяной отрасли разработала новый нефтяной кодекс Гватемалы, разрешающий полное иностранное владение, репатриацию прибыли и снижение налогов, а также позволяющий американским компаниям обращаться в Государственный департамент для арбитража любых споров с правительством Гватемалы. Новый кодекс привёл к «лихорадочной борьбе иностранных нефтяных компаний за получение самых выгодных концессий на разведку и бурение». Вскоре Гватемала предоставила десятки новых концессий, покрывающих 3,8 миллиона гектаров. Представитель Bank of America консультировал правительство по пересмотру банковского кодекса и стал первым иностранным банком, открывшим отделения в Гватемале. Американские геологи провели разведку полезных ископаемых на севере Гватемалы.

Экспортно-импортный банк США предоставил пятнадцать миллионов долларов кредитов правительству Гватемалы и частным фирмам, большая часть которых была использована для закупки американского оборудования у таких компаний, как International Harvester и General Motors. Таким образом, для американского бизнеса переворот принёс огромную прибыль.

Новые отрасли промышленности «Солнечного пояса» в сферах недвижимости, нефти и обороны сформировали гватемальское лобби, которое продвигало американскую иностранную помощь, способствующую их собственному расширению в Центральную Америку. К 1961 году США предоставили новому режиму Гватемалы более ста миллионов долларов иностранной помощи, включая четырнадцать миллионов на сельское развитие и двадцать семь миллионов на строительство Межамериканского шоссе (большинство контрактов на строительство шоссе получили американские компании). США тесно сотрудничали с министерствами правительства Гватемалы в разработке серии пятилетних планов экономического развития.

Значительная часть иностранных инвестиций, хлынувших в страну, лишь усугубила давние проблемы бедности и безземелья. Чтобы это не вылилось в новую волну мобилизации, США добавили ряд реформ, которые, как надеялись, ослабят социальную напряжённость, улучшив жизнь бедных и нуждающихся в земле, но без угрозы интересам элит и инвесторов. Однако каждая из них была чревата противоречиями. Учитывая крайнее неравенство в Гватемале, любая мобилизация бедных или уступки им неизбежно угрожали тем, кто жил за счёт их эксплуатации.

Улучшить жизнь крестьян можно было через доступ к земле, через ресурсы (кредиты, технику, удобрения) или через правовые и институциональные улучшения (например, трудовые права или кооперативы). Земельная реформа Арбенса была попыткой перераспределить власть и ресурсы для достижения этой цели. В последовавших за ней антикоммунистических реформах идея заключалась в том, чтобы успокоить крестьян, не бросая вызов укоренившимся интересам элит. После переворота Гватемалу наводнили проекты помощи USAID, а также неправительственных и религиозных организаций.

Вакцинация, меры общественного здравоохранения и санитарии казались вмешательством, которое могло помочь бедным, не угрожая сильным мира сего. Но эти меры привели к росту населения и обострению проблемы нехватки земли. После массовой демографической катастрофы, последовавшей за испанским завоеванием, населению майя в районе Кучуматанес потребовалось четыре столетия, чтобы восстановить свою доиспанскую численность, что произошло к 1950 году. Затем, между 1950 и 1980 годами, население удвоилось. В период с 1950 по 1970 год количество семей, пытавшихся выжить на минифундиях, слишком маленьких для обеспечения пропитания, увеличилось с 308 070 до 421 000, а средний размер хозяйства в центральном и западном нагорье сократился с 3,2 акра в 1950 году до 2 акров в 1975 году. Таким образом, даже реформы, задуманные как не угрожающие власти элит, на самом деле могли усилить социальную напряжённость. Другие реформистские меры оказались столь же противоречивыми.

Одним из антикоммунистических решений проблемы роста населения и нехватки земли была Зелёная революция. Вместо «красной», или коммунистической, революции, предполагающей перераспределение земли и ресурсов, технологии должны были предложить решения проблемы бедности и голода. Правительство США в партнёрстве с Фондом Рокфеллера разработало высокоурожайные семена Зелёной революции, химические удобрения и пестициды. Волонтёры Корпуса мира и миссионеры Мэриknолл внедряли их в сельских деревнях, где они работали.

Первоначально внедрение Зелёной революции позволило увеличить производство и помогло уменьшить отчаяние, которое толкало крестьян на сезонную миграцию и радикальные политические требования. Однако эти изменения также втянули больше крестьян в зависимость от денежной экономики. Когда цены на удобрения резко выросли в связи с нефтяным кризисом 1970-х годов, многие мелкие фермеры оказались в долгах, были вынуждены продать свою землю и ещё глубже погрузились в сезонную трудовую миграцию.

Изменения, вызванные Зелёной революцией, также могли способствовать политической радикализации. Один гватемальский антрополог утверждал, что для крестьянских фермеров переход к товарным культурам означал «отказ от исконного образа мысли и выработку новых способов видения мира... Именно в этом новом пространстве молодое поколение индейцев начало свою [политическую] работу».

В более широком масштабе Зелёная революция в нагорье была лишь частью гораздо более крупной программы технической помощи, нацеленной на крупных фермеров, выращивающих экспортные культуры. На тихоокеанских низменностях пестициды, удобрения и дороги открыли регион для производства хлопка. Крестьяне на тихоокеанском побережье подверглись массовым выселениям, когда земли были захвачены хлопководами; к концу 1980-х годов этот регион стал районом с самой высокой концентрацией земли в стране.

Капиталистические реформаторы предложили другую альтернативу перераспределению земли: колонизацию. Раздел плантаций и возврат земли вытесненным крестьянам наносил вред инвесторам и пахивал коммунизмом. Капиталистическое решение состояло в том, чтобы открыть новые земли для обработки, особенно на лесистом севере и востоке страны.

Колонизация новых земель как способ ослабить народные притязания к богатым пере- кликалась с долгой историей «заселения» американского Запада и последующей внешней

политикой США. У США также долгая история изгнания индейцев с земель, желанных ради ресурсов и экономического развития. Схемы колонизации Гватемалы отличались от американского сеттлерского колониализма тем, что многие из «колонизаторов» были коренными крестьянами. Но, как и на американском Западе, мелкие фермеры и крупные корпорации, следовавшие за ними, имели совершенно разные представления о том, как следует распределять и использовать землю.

Для крестьян, страдающих от нехватки земли в высокогорьях Уэуэтенанго и Эль-Киче, северный тропический лес преподносился как клапан для сброса давления. Это был способ, помимо прочего, убежать от хлопка: деревни в этих регионах отправляли более половины своего трудоспособного населения на тихоокеанское побережье на сбор урожая. Мелкие фермеры неофициально искали земли в тропическом лесу с 1960-х годов, и к началу 1970-х он стал ключевым местом для проектов колонизации, спонсируемых католической церковью, USAID и правительством Гватемалы.

«До 1966 года Икскан был необитаемыми джунглями», – объяснял гватемальский иезуит, антрополог Рикардо Фалья. «В том году первые поселенцы прибыли вместе с [одним] миссионером Мэригнол. ... чтобы завладеть землями в рамках совместного проекта церкви и [правительства] по покупке частных земель и получению наделов из некоторых государственных владений. Колонисты обосновались на берегах реки Икскан и начали расчищать джунгли и сеять культуры, сражаясь с жарой и сильными дождями (шесть метров в год), непроходимой растительностью, змеями, москитами, болотами, отсутствием дорог, огромными расстояниями до городов и торговых центров, одиночеством и изоляцией. Это были пионеры, жаждущие земли и уставшие продавать свой труд на крупных кофейных, сахарных и хлопковых плантациях на побережье и в прибрежных низменностях». В течение следующих нескольких лет «джунгли постепенно наполнялись людьми».

Многие новые колонисты объединялись в кооперативы, чтобы облегчить доступ к помощи и ресурсам. В ходе репрессий после переворота кооперативная программа правительства Арбенса была демонтирована. Но новая конституция 1956 года восстановила роль кооперативов и предусмотрела финансирование и кредиты через государственные банки. Несколько лет спустя правительство США объяснило, что «ропуск ведомых коммунистами “кооперативов” эпохи Арбенса» открыл «новый этап развития» для некоммунистических кооперативов, «которым помогает миссия USAID и многие независимые группы развития, работающие в сельских районах Гватемалы». Но их спонсорам часто было трудно удержать кооперативы под контролем, особенно когда вслед за колонистами в тропический лес пришли нефтяные и скотоводческие интересы.

Антрополог Беатрис Манц сопровождала одну из колоний, пытавшуюся выжить в тропическом лесу. Католическая церковь завербовала крестьян из разных муниципалитетов департамента Эль-Киче. «Поселение не возникло на пустом месте, – объясняет Манц. – Только самые энергичные и оптимистичные отправились в Икскан. ... Колонизация была частью крупной мобилизации и активизма. ... Они знали, что правительства недемократичны; они знали о работе на плантациях и привилегиях землевладельческой элиты; и они знали, как общество обращается с майя и воспринимает их. У многих были коротковолновые радиоприемники, и они слушали Радио Гавана Куба или новости о “Народном единстве” Альенде в Чили».

Зоны развития: северная трансверсальная полоса и петен

малонаселённые районы на севере и востоке страны также были богаты ресурсами, и в то же время, когда они привлекали крестьян-колонистов, правительство и транснациональные корпорации видели в них потенциал для крупномасштабного экспортного развития. Проект развития Северной Трансверсальной Полосы был нацелен на высокогорные деревни, пострадавшие от потери земли и принудительного труда во время кофейного бума, а также на низменные районы крестьянской миграции и колонизации, для инвестиций, ориентированных на экспорт. Богатые ресурсами тропические леса обнажили проблемные взаимодействия между новыми и старыми крестьянскими общинами, с одной стороны, и крупномасштабным экономическим развитием – с другой.

Всего через несколько лет после начала проекта колонизации в тропическом лесу Гватемальский институт аграрной реформы объявил Северную Трансверсальную Полосу зоной сельскохозяйственного развития. USAID и правительство Гватемалы приступили к строительству автомагистралей и открытию территории для внутренних и иностранных горнодобывающих, скотоводческих, животноводческих и лесозаготовительных интересов. В 1979 году журналист Алан Райдинг сообщил в *New York Times*, что «за последние пять лет... отчасти стимулируемая открытием нефти в западных джунглях близ границы с Мексикой, правительство начало проникать в этот район, улучшая дорогу в северную провинцию Петен и строя новую дорогу с востока на запад через узкий перешеек страны, который и является Северной Трансверсальной Полосой».

Лиза Грандиа объясняет, что «вдохновлённая мексиканским нефтяным бумом и подпитываемая нефтяным эмбарго и мировыми энергетическими кризисами 1970-х годов, гватемальская администрация выдала контракты на разведку по всему Петену и Франха-Трансверсаль длинной череде американских и других иностранных нефтяных компаний... Планировщики колонизации так же приветствовали национальные и иностранные лесозаготовительные интересы в Петене и никелевые горнодобывающие работы в восточной части Франхи».

Гватемальский генерал Фернандо Ромео Лукас Гарсия приобрёл крупные земельные владения в этом районе и, будучи министром обороны в 1970-х годах, руководил там проектом по разработке нефти. После избрания президентом в 1978 году он контролировал как развитие региона, так и чрезвычайное насилие, которое его сопровождало.

Никеледобывающая компания Exmibal получила концессию на восточной окраине полосы в 1973 году, и к 1978 году семь международных нефтяных компаний уже работали в северной и западной частях. В 1974 году правительство Гватемалы получило кредит на самый крупный в своей истории проект общественной инфраструктуры – гидроэлектростанцию Чисоксой на одноимённой реке, за которым последовали другие добывающие проекты. «Весь пакет из нефти, никеля, гидроэлектроэнергии и говядины оправдывал финансирование крупнейшей программы дорожного строительства 1970–80-х годов» – Трансверсального шоссе и сети дорог, соединяющих осваиваемый низменный тропический лес с высокогорными деревнями. «Для транснациональных корпораций главной привлекательностью дорог было содействие разведке, добыче, транспортировке и переработке полезных ископаемых. Для армейских офицеров, правительственных чиновников и других гватемальцев, приближённых к правительству, дороги означали возможность стать скотоводами». Дороги соединяли производителей нефти на западе с добычей никеля на востоке.

В дальнем северо-восточном регионе Петен плотность населения была очень низкой, хотя индейцы кекчи из соседних провинций мигрировали туда в поисках земли на протяжении десятилетий. В середине 1960-х годов правительство запустило Национальную компанию

по развитию Петена, чтобы поощрить дальнейшую колонизацию. Планы развития агентства, включая инфраструктуру и дороги, благоприятствовали скотоводству и лесозаготовкам. Оно распределяло землю в первую очередь между крупными, часто отсутствующими, скотоводами и владельцами плантаций, включая военнотружеников. Действительно, несмотря на заявленные цели колонизации – предоставить землю безземельным, социальная структура вновь колонизированных земель в Петене стала воспроизводить неравную систему высокогорий, и многие крестьяне-колонисты превратились в безземельных рабочих.

Конфликт между крестьянскими кооперативами и мегапроектами преследовал регион. В статье 1976 года Северная Полоса называлась «местом самых масштабных и спорных инвестиций в стране, в никель и нефть... Это также место частых земельных конфликтов между крестьянами, годами возделывавшими свои наделы, и новыми землевладельцами, подкреплёнными временными титулами». Поползли слухи о присутствии партизан в этом районе.

США предоставили 5,6 миллиона долларов на один проект переселения четырёх тысяч крестьян в полосу в конце 1970-х годов, недалеко от проекта разведки нефти, которым управляла техасская компания Shenandoah. «Ещё до того, как программа переселения полностью запущена, – писал Райдинг в своей статье в New York Times за 1979 год, – Полоса постигла та же участь, что и Петен: новые поселенцы в итоге работают батраками на крупных фермах, которые теперь появляются в этом районе. Сообщается, что президент Гватемалы генерал Ромео Лукас Гарсия, который в 1977 году отвечал за развитие Полосы, владеет тремя поместьями общей площадью 130 000 акров. Несколько других армейских офицеров, включая министра обороны Отто Шпиглера, также получили земли для “колонизации”. Один район близ Себоля известен как “район генералов”». Эти конфликтные районы на севере стали ключевым местом народной организации, партизанской активности, контрповстанческой борьбы и геноцида к концу 1970-х годов.

Религиозная и политическая власть в общинах майя были переплетены через систему костюмбре, кофрадий и принципалес. Кофрадии создавали систему социального контроля, которая привязывала деревенских жителей к институту и его руководству и оправдывала укоренённую патриархальную власть принципалес. Старейшины также обладали властью благодаря возможности передавать свою землю сыновьям. Неравенство было встроено в эту систему, но так же как и взаимность.

Традиционные лидеры были заинтересованы в сохранении системы, от которой они получали выгоду. В годы правления Арбенса сельская организация бросала вызов структурам власти в общинах коренных народов. Многие принципалес чувствовали угрозу и выступали против как политического открытия, так и аграрной реформы.

Десятилетия репрессий и развития после Арбенса дали принципалес новые возможности восстановить свой статус. Некоторые стали посредниками по найму рабочей силы, ростовщиками и владельцами магазинов. Даже если им удавалось вернуть власть, восстановить легитимность было труднее. Рост населения и связанное с ним давление на землю также ослабили основы общинных иерархий.

Несмотря на репрессии, молодёжь, достигшая совершеннолетия в 1960–70-х годах, по-прежнему привлекалась к идеологиям и политике, которые мобилизовали их общины при Арбенсе. Некоторые из этих идей вновь возникли в религиозных движениях, которые отвлекали членов общин от кофрадий, таких как Католическое действие и теология освобождения, а также новые протестантские евангелические секты.

Хотя церковная иерархия Гватемалы оставалась консервативной, теология освобождения начала проникать на низовые уровни, многие из представителей которых были американскими миссионерами Мэрикнолл, испанскими иезуитами и другими иностранными священниками на приходском уровне. Если изначально они стремились к реформам, чтобы противостоять привлекательности коммунизма, то к середине 1960-х годов эти религиозные радикалы начали

работать ради социальной справедливости ради неё самой, а некоторые стали марксистами и революционерами.

Теологи освобождения обучали катехизаторов, организовывали учебные группы для анализа и повышения сознания местных реалий с помощью библейских текстов, а также создавали кредитные и другие кооперативы, чтобы освободить крестьян от контроля местных принцепалес, землевладельцев и ростовщиков. Они основывали больницы, клиники и программы подготовки деревенских врачей. Они учреждали местные радиостанции, которые через «радиошколы» создавали проекты народного образования.

Эта религиозная революция была особенно глубокой в индейском высокогорье Эль-Киче и Уэуэтенанго – беднейшем и самом обездоленном в плане земли районе, поставлявшем большую часть мигрирующей рабочей силы на хлопковые плантации. Регион лежал на западной оконечности Северной Трансверсальной Полосы, был открыт новыми дорогами и служил объектом вождения военных офицеров, иностранных транснациональных корпораций и местных элит для развития скотоводства, добычи полезных ископаемых и нефти. К 1968 году более 50 процентов молодёжи и взрослых в Эль-Киче участвовали в Католическом действии.

Традиционные деревенские институты и власти были глубоко уязвлены новой религиозной активностью Католического действия и кооперативного движения. «В некоторых общинах это развязало долгий и ожесточённый конфликт, временами чрезвычайно суровый и не лишённый насилия. Были случаи, когда дело доходило до самосуда, противостояний с мачете, камнями и ножами между членами общины, боровшимися за контроль над местной церковью и за лояльность односельчан».

В начале 1973 года члены традиционного руководства города Небах в регионе Ишиль на севере Киче призвали армию вмешаться, заявив, что «среди нас теперь есть дурное семя – коммунисты, которые борются против нас с помощью кооперативов и других глупостей». Согласно одному исследованию, это был первый случай, когда индейские власти напрямую обратились к армии с призывом вмешаться в их собственную общину. В январе 1976 года лидеры составили чёрный список и передали его офицерам военной разведки. Два месяца спустя армия заняла город и начала преследовать лидеров кооперативов, Католического действия и комитетов развития. Вскоре Ишиль стал эпицентром геноцида в стране.

Радикализированные иезуиты и миссионеры Мэрикнолл, проникнутые теологией освобождения, также возглавляли проекты колонизации, которые уводили обездоленных крестьян из этих высокогорий в северный тропический лес. Проекты колонизации объединяли народы майя из разных регионов и с разными языками и стали благодатной почвой для религиозных изменений. Отсутствие традиционных властей и структур открыло пространство для развития колонистами новых, более демократических институтов.

Холодная война в Гватемале приняла новый оборот в 1960 году, когда ЦРУ, действуя за спиной гватемальской армии, создало несколько баз для обучения и вооружения кубинских изгнанников в рамках подготовки вторжения на остров с целью свержения Фиделя Кастро. Военные офицеры и солдаты – многие из которых восхищались революцией Кастро и возмущались подчинённым положением Гватемалы по отношению к США – подняли мятеж в столице и в Сакапе на востоке. Восстание вдохновило значительную поддержку среди крестьян-ладино на востоке, хотя местное индейское население проявило мало интереса.

США направили военные корабли, бомбардировщики и авианосец, и восстание было быстро подавлено. Некоторые из лидеров бежали в горы, где в последующие годы переформировались в FAR (Революционные вооружённые силы) – партизанское движение численностью в несколько сотен бойцов, которое провело несколько мелких акций.

Дикие репрессии, последовавшие за такими акциями, были нацелены в основном на некомбатантов. Военные в союзе с парамилитарными эскадронами смерти убили от трёх до восьми тысяч крестьян, главным образом в восточном департаменте Сакапа, в период с 1966

по 1968 год. Министр обороны, руководивший операцией, полковник Карлос Арана Осорио, известный как «мясник из Сакапы», затем был избран президентом в 1970 году.

«Почему военные набирали людей для заселения границы, а потом убивали их?» – спрашивает географ Меган Ябарра. Она отвечает на свой вопрос так: «К середине 1970-х годов, когда контрреволюционный проект военных по колонизации низменностей, казалось, пошёл не по плану, военные применили контрповстанческое насилие как часть более крупного проекта развития». События на востоке предвосхитили насилие, которое охватило преимущественно индейские западные и центральные высокогорья по мере развития десятилетия.

В 1970-е годы около 60 процентов крестьян-фермеров майя сезонно мигрировали на работу на побережье. Семьдесят пять процентов детей страдали от недоедания. В 1970-х годах несколько различных направлений организации мобилизовали городскую бедноту, рабочих-мигрантов на побережье, высокогорные деревни и новые кооперативы. К середине десятилетия также росли связи с зарождающимися партизанскими группами, которые, как и в Никарагуа и Сальвадоре, считали, что время для вооружённой революции с целью свержения несправедливого порядка созрело.

В 1976 году мощное землетрясение сотрясло высокогорья Гватемалы. Погибло более двадцати тысяч человек, семьдесят пять тысяч получили ранения, миллион остался без крова. По словам Артуро Ариаса, «землетрясение стало настоящим испытанием огнём для местного руководства в пострадавших сельских общинах... С этого момента работа по обучению грамоте, работа христианских общин, работа по политическому обсуждению начали по-настоящему преобразовываться в организационную работу», которая стала более явно политизированной, а иногда и приводила к связям с вооружёнными левыми группами.

Ликвидация последствий землетрясения объединила прогрессивные католические организации, городские профсоюзы, индейцев из разных общин и активистов-ладино. «Студенты средних и начальных школ организовывались, требуя восстановления своих школ, рабочие заводов боролись за помощь от своих работодателей, а соседские комитеты, часто создаваемые студентами или профсоюзными деятелями, процветали повсюду в городе, когда жители мобилизовались» для предоставления базовых услуг. «Последствия землетрясения стали опытом местной власти перед лицом государственной коррупции», что питало дальнейшую революционную организацию.

Гватемала-Сити быстро росла по мере того, как экспортное сельское хозяйство вытесняло сельских жителей, а Центральноамериканский общий рынок стимулировал рост обрабатывающей промышленности и новые возможности для иностранных инвесторов, которые к 1975 году контролировали почти 50 процентов промышленности страны. «Рабочие часто использовали образ концлагеря или тюрьмы для описания фабрик, которые обычно были окружены колючей проволокой, охранялись вооружёнными людьми и полицейскими собаками, а внутри патрулировались вооружёнными надзирателями». Несмотря на массовые репрессии, профсоюзы формировались особенно на крупных фабриках в столице, принадлежавших иностранцам и производивших товары для местного и регионального потребления, такие как обувь, текстиль, сигареты, консервы и кока-кола. Большинство мигрантов работали в неформальном секторе, но они тоже участвовали в городской народной организации.

Как и Католическое действие в сельской местности, движение «Молодой католический рабочий» начиналось с цели омоложения католической церкви для создания альтернативы коммунистической организации. С подъёмом теологии освобождения клубы и программы ЮС начали фокусироваться на том, «как люди обладают властью изменить жизнь», и перешли к профсоюзной организации. Условия радикализировали многих активистов, которые отошли от центристской Христианско-демократической партии и пришли к анализу, «вдохновлённому христианскими представлениями о социальной справедливости и марксистским анализом капитализма».

В 1960-х годах FAR, как и многие латиноамериканские партизанские группы, придерживалась теории фоко, популяризированной Че Геварой, согласно которой небольшая партизанская организация, совершающая эффективные нападения, должна вызвать массовое революционное восстание. Помимо FAR на востоке, в Гватемале сформировалось несколько других вооружённых партизанских организаций, включая «Партизанскую армию бедных» (EGP) и «Революционную организацию вооружённого народа» (ORPA). К середине 1970-х годов все согласились, что подход фоко провалился и что вместо этого необходимо работать над созданием низовых организаций и шаг за шагом выстраивать поддержку революции. Их подходы различались: FAR стремилась к базе в городском рабочем классе, тогда как ORPA сосредоточилась на сельском коренном населении, а EGP пыталась построить связи между сельскими индейцами, работниками плантаций и городской беднотой. Коммунистическая партия Гватемалы, PGT, как и большинство коммунистических групп континента, делала акцент на легальной организации в рамках системы, а не на вооружённой борьбе, хотя группа диссидентов из партии также взялась за оружие. К концу 1970-х годов EGP, после многих лет тихого завоевания поддержки в кооперативах тропического леса Иксан и близлежащих деревнях региона Ишиль, стала крупнейшей группой и действовала на двух третях территории страны. В 1982 году партизанские организации объединились, образовав Гватемальское национальное революционное единство (URNG).

Связи между различными общинами майя через церковную деятельность, школы и миграции способствовали росту осознания общих материальных условий и эксплуатации, а также общих культурных переживаний расизма и маргинализации. Левые или классистские организации майя фокусировались на структурных или классовых вопросах, объединяющих бедных индейцев и ладино, тогда как культурологические организации делали акцент на идентичности и правах майя. Для многих активистов эти два подхода были переплетены и дополняли друг друга, учитывая расовый характер класса в Гватемале, как и в большинстве колониальных и постколониальных обществ.

В 1974 году активисты-майя сформировали Национальную координацию индейцев, чтобы провести серию семинаров, объединивших активистов со всей страны. В 1977 году при поддержке миссионеров Мэрикнолл они основали ежемесячную газету «Ixim: Notas Indígenas», нацеленную на формирование общеиндейского (пан-майя) сознания, выходящего за пределы региональных, языковых и городско-сельских различий. Передовая статья 1978 года переименовала 12 октября, официально День Колумба в США и День расы (Día de la Raza) в Гватемале, как и в остальной Латинской Америке, в День бедствия (Día de Desgracia). Такие события, как землетрясение 1976 года и резня в Пансосе (о которой речь ниже), стимулировали критику государственного продвижения «фольклора», которое экзотизировало и эксплуатировало культуру майя, одновременно прикрывая официальный расизм. Многие молодые люди перешли от культурного активизма в ряды левого Комитета крестьянского единства (CUC) и EGP.

Традиционные деревенские власти, как правило, относились с сомнением к пан-майя активизму, стремившемуся создать новые политизированные понимания индейской идентичности, выходящие за пределы деревенского уровня и системы кофрадий. Местные ладино тоже извлекали выгоду из индейской политической и религиозной иерархии и имели причины её сохранять. Когда один ладино оплакивал упадок традиционных индейских обычаев, один юноша из высокогорий ответил: «Да, это печально... для вас!».

Рабочие на плантациях в новой экспортной хлопковой экономике на южном побережье происходили из многих разных индейских общин и делили изнурительный труд с бедными ладино. Многие также сезонно мигрировали из своих высокогорных деревень, создавая новые связи и идентичности между разными индейскими общинами, а также между высокогорными общинами и прибрежными рабочими.

Многие индейцы спустились из высокогорий, чтобы понаблюдать за демонстрациями 1 мая 1977 года в Международный день трудящихся и за общенациональными митингами 20 октября 1977 года в ознаменование революции 1944 года. В следующем месяце индейские и ладино рабочие-шахтёры из Уэуэтенанго прошли маршем 351 километр за девять дней по Панамериканскому шоссе через значительную часть индейского высокогорья, прибыв в Гватемала-Сити «в сопровождении 150 000 человек, включая студентов, поселенцев, государственных служащих, рабочих и крестьян». Рабочие сахарных плантаций на южном побережье также вышли на демонстрации и присоединились к ним. Марш впервые объединил прибрежные крестьянские лиги и высокогорные христианские общинные базовые группы и «создал растущее чувство эйфории в массовых организациях». Один миссионер Мэрикнолл, поддерживавший организацию шахтёров, писал, что «никогда прежде рабочие и крестьяне, индейцы и ладино, индейцы разных этнических групп не проявляли такой солидарности друг с другом».

Эта активность выкристаллизовалась в CUC, который впервые публично проявил себя в следующее 1 мая с лозунгами: «Хватит принудительного набора в армию», «Нехватка земли», «Нет репрессиям», «Нет дискриминации», «Нет дороговизне». Хотя CUC никогда открыто не примыкал к EGP, организация была или быстро стала «связана с национальной политикой и революционными левыми» со значительным пересечением с EGP по членству и по видению революции, основанной на общих интересах высокогорных индейских крестьян, прибрежных плантационных рабочих и городской бедноты.

В январе 1980 года двадцать семь активистов CUC из северного Киче, включая Висенте Менчу, отца Ригоберты, отправились в Гватемала-Сити, чтобы потребовать от правительства расследовать репрессии в их регионе. Когда Конгресс отказался встречаться с ними, они провели мирную оккупацию посольства Испании. Несмотря на протесты испанского посла, силы безопасности Гватемалы штурмовали здание. Атака завершилась поджогом посольства, в результате которого погибли оккупанты и их заложники – в общей сложности тридцать семь человек. Посол и один демонстрант выжили, последнего в ту же ночь похитили из больницы, пытали и убили, а его тело на следующий день бросили на территории университета.

Ужас от этой резни способствовал объединению культурологических и классистских секторов безоружных левых. Из их встреч вышла Декларация Ишимче – заявление «от коренных народов Гватемалы перед миром». Декларация предложила основу для связи левого CUC и более культурологического индейского движения, объединяя индейские и классовые вопросы. EGP, имевшая значительное пересечение с CUC, также взяла на вооружение эту декларацию.

Один из ответов армии на растущую мобилизацию в стране произошёл месяц спустя на востоке страны, в деревне Пансос, Альта-Верапас. 29 мая 1978 года группа индейцев кекчи собралась, чтобы вручить мэру документ с изложением своих земельных требований. Местные землевладельцы, как позже заключила Комиссия по установлению истины в Гватемале, «не только потребовали присутствия армии, но и способствовали созданию враждебной среды по отношению к крестьянскому населению».

Солдаты открыли огонь по толпе, убив десятки людей, в то время как армейские вертолёты преследовали тех, кто пытался бежать. Неизвестное количество человек было убито или утонуло при бегстве в реку, либо погибло позже в горах. Это было начало лавины военной и парамилитарной жестокости против растущих народных организаций, безоружных гражданских лиц и особенно против общин коренных народов.

Большинство описаний резни фокусируются на ужасающих событиях того дня: возможно, более ста безоружных мужчин, женщин и детей были застрелены, затравлены и загнаны насмерть. Но история Пансоса показывает, как его конфликты стали результатом специфического экономического развития Центральной Америки. Пансос – одна из группы общин в долине реки Полочик, на юго-восточном углу Северной Трансверсальной Полосы. В середине XIX века земля была занята кукурузными полями, которые возделывались разрозненными

деревнями кекчи. Затем пришла система кофейных плантаций, которая «буквально поглотила кекчи». Новые плантации захватили общинные земли и заменили кукурузу миллионами кофейных деревьев, вытеснив тысячи крестьян. К 1920-м годам почти 40 процентов населения департамента потеряли землю и жили как батраки на кофейных плантациях.

Как и многие в Гватемале, эти рабочие организовались и получили землю во время земельной реформы 1952 года, а после переворота потеряли и землю, и право голоса в обществе. «Когда умер Хакобо [Арбенс], – рассказывал один старейшина позже комиссии по установлению истины, – мэр созвал нас на собрание. Он сказал, что мы больше не будем работать вместе, как раньше. На этом наша работа в комитетах закончилась, и началась наша работа на асьендах».

И скотоводы, и крестьяне-колонисты переселились в этот район в 1950–60-х годах, и по мере того как местные кофейные плантаторы также расширяли свои стада, они вступали в конфликт с остававшимися крестьянскими фермерами. В 1970-х годах, когда горная дорога связала регион с высокогорьями и с мясокомбинатом в Гватемала-Сити, скотоводы переселились туда в полную силу.

Как утверждает историк Грег Грандин, резня в Пансосу «стала водоразделом в войне Гватемалы... Возможно, ни одно другое событие не имело столь далеко идущих политических и символических последствий». Резня мобилизовала разрозненные силы городских и сельских левых на объединение и побудила многих крестьян-мая отказаться от реформизма и надежды на то, что государство будет их защищать или оборонять. Когда Виктория Санфорд двадцать лет спустя пошла брать интервью у выживших в резне, её группа была перегружена просьбами от родственников людей, исчезнувших во время и после резни на площади. «В тот год умерло много людей, – сказал им один выживший. – Это был год смерти».

Всего через несколько месяцев после резни в Пансосу генерал Ромео Лукас Гарсия, один из главных архитекторов и бенефициаров захвата земель на востоке, выиграл выборы, омрачённые фальсификациями, и стал президентом Гватемалы. При его режиме то, что произошло в Пансосу, начало повторяться по всему индейскому высокогорью.

Тропический лес Икскан и высокогорный регион Ишиль на севере Киче стали эпицентром как партизанской организации, так и геноцида против населения мая в Гватемале, который начал разворачиваться в месяцы после Пансосы. Растущее там насилие совпало со строительством дороги Северной Полосы и вторжением нефтеразведки в регион.

Лидер партизан EGP Марио Пайерас описал, как несколько выживших после партизанского восстания 1960-х годов и последовавших репрессий перегруппировались в Мексике и решили вернуться в Гватемалу, чтобы на этот раз «сделать всё правильно», создав прочную базу поддержки перед возобновлением вооружённой борьбы. Небольшая группа пересекла границу с Гватемалой в начале 1972 года в районе тропического леса Икскан, где первые колонисты лишь недавно основали поселения.

Кооперативы оказались благодатной почвой для организации. «Повстанцы говорили на языке, схожем с речью священников, монахинь, студентов, социальных работников и политических активистов в высокогорьях. Этот опыт мог быть воодушевляющим, полным надежд и вдохновляющим». Жители деревень осторожно сотрудничали с оборванцами, приходившими в село просить еду.

Медленно, к концу 1973 года, группа приблизилась к старым высокогорным деревням ишиль. Как и во многих деревнях высокогорий, Католическое действие и крестьянские организации принесли в сёла новые идеи и новые экономические перспективы, которые вовлекли многих молодых людей.

К началу 1975 года, по словам Пайераса, «постоянный поток крестьян искал наши местные ячейки, неся с собой древнее бремя обид». Через два года EGP начала «вооружённые пропагандистские акции», то есть небольшие военные операции, «ограниченные настолько, чтобы

реакция противника не превышала ни того, что люди были готовы понять, ни того, что мы были способны выдержать и защитить на местном уровне».

EGP выбрала эффектную акцию, чтобы публично заявить о своём существовании: убийство Луиса Аренаса, Тигра (или Ягуара) Икскана, крупного кофейного плантатора, основавшего свою плантацию там после переворота 1954 года и печально известного в регионе экспроприацией общинных земель и жестоким обращением с рабочими. Пайерас описал, как небольшая партизанская группа проникла на плантацию в день выплаты жалованья, когда рабочие собрались получить деньги. «Стоя перед управляющим, похожий на хищную птицу, хозяин земли пересчитывал монеты и разворачивал несколько смятых банкнот» – и тут партизанский отряд, застигнув его врасплох, мгновенно застрелил его.

Не веря своим глазам, толпа нервно слушала объяснение на их собственном языке, которое мы тут же предложили. По мере того как обвинение перечисляло несправедливости и хищения Аренаса, из толпы начали раздаваться голоса, перебивавшие говорившего и добавлявшие собственные оправдания казни этого человека. Наконец из глоток, привыкших веками только к молчанию и стонам, вырвались крики радости, и словно древним боевым кличем, единым голосом они скандировали с нами наш лозунг: «Да здравствуют бедняки, смерть богачам».

Так это видел Пайерас. Антрополог Дэвид Стоулл указывает, что не все рабочие плантации были местными жителями, потерявшими землю. Некоторые были мигрантами-ладино и индейцами, для которых плантация была единственным источником дохода. Эти мигранты «скорее всего вспоминают дону Луиса с ностальгией... Вместо того чтобы примкнуть к революции, [мигранты] стали главной опорой контрповстанческой кампании армии».

Реакция армии была жестокой и направленной против всего населения региона: одна деревня за другой оккупировались, заподозренных в сотрудничестве пытали, избивали и убивали. Крестьяне бежали из своих сёл, некоторые пробирались в партизанские лагеря, где, писал Пайерас, «меньше чем за неделю наше членство утроилось», и «вдруг зазвучали четыре или пять разных диалектов». Укрепившись за счёт притока местных жителей, кампания вооружённой пропаганды расширилась до «взятия» деревни: жители собирались вместе, им объясняли цели борьбы и осуждали зверства армии, после чего партизаны снова исчезали в сельской местности.

Пайерас спокойно сообщал, что «хотя партизаны в горах не понесли потерь, они были значительными среди наших организованных сторонников в деревнях». Контрповстанческие зачистки между 1981 и 1983 годами убили тысячи, а десятки тысяч бежали, когда их дома сжигали, а деревни уничтожали. «Армия сожгла все деревушки и хутора за пределами трёх городов» Ишиля, сообщал Стоулл. В деревне за деревней «армейские подразделения расстреливали, рубили или сжигали заживо тысячи безоружных мужчин, женщин и детей». Население региона сократилось вдвое.

Рассказы выживших упоминают избиения, изнасилования, пытки и чудовищное насилие. Многие бежали из городов, которые были оккупированы и поставлены под военное управление. За массовыми убийствами следовала тактика выжженной земли: сжигались дома и кукурузные поля, что делало возвращение невозможным. «Армия сожгла всё. Поэтому мы остались в горах», – вспоминала одна выжившая.

Некоторые из бежавших в итоге переорганизовались в Общины сопротивляющегося населения в районах вне правительственного контроля. Десятки тысяч жили годами в укрытиях, в почти постоянных скитаниях, под непрерывным преследованием армии. «Они бомбили всю гору. От этих бомб погибло много людей. Много людей умерло от голода», – просто сообщил другой свидетель.

Дальше на севере, в тропическом лесу Икскана, в кооперативе Санта-Мария-Теха, где работала антрополог Беатрис Манц, более 50 человек из 116 семей, составлявших деревню,

присоединились к EGP в 1970-х годах. Когда военные и эскадроны смерти обрушились на кооперативы, некоторые из иностранных священников бежали из региона. У большинства жителей не было выбора. Как один из них рассказал Манц: «Некоторые даже думали вернуться в высокогорья, но как они могли, учитывая тамошнюю нищету? Так что никто не вернулся».

К тому времени, когда EGP прибыла в южный Киче в конце 1970-х годов, как позже сообщила официальная комиссия по установлению истины, спонсированная церковью, «большой процент населения ждал её... Политические кадры и бойцы EGP были всё более изумлены ошеломляющим приёмом и скоростью, с которой население самоорганизовывалось». Народные организации, такие как CUC, мобилизовались в поддержку партизанских действий. В течение 1980 и 1981 годов «партизанский триумфализм» рос по мере того, как народные восстания распространялись по всей стране, и многие верили, что революционная победа близка или, по крайней мере, возможна, несмотря на жестокость реакции армии.

Виктория Санфорд, исследовавшая массовые убийства в десятках общин, писала, что в каждом случае была история организации через Католическое действие, кооперативы, проекты помощи после землетрясения и другие. В некоторых, но не во всех случаях партизанские организаторы участвовали тайно или открыто в жизни деревни. Но схема армейских атак на деревенских активистов, за которыми следовали оккупация, массовое убийство, а затем сожжение деревни и её полей, преобладала почти в каждом случае.

«Жителей деревни не обязательно было подозревать в симпатиях к партизанам, чтобы напасть на них», – объяснял Ричард Уилсон. «План состоял в том, чтобы терроризировать всё коренное население и отделить его от партизанских отрядов. Особенно были нацелены деревни с развитыми местными институтами, такими как кооперативы или школы... Армия считала, что такие деревни потенциально могут симпатизировать революционерам, и этого было достаточно, чтобы оправдать их уничтожение. В ходе рейдов армия поджигала дома, сжигала или вырубала посевы и убивала скот... Армия создала ничейную землю, обезлюдившую, лишённую посевов и домашних животных, между милитаризованными городами и партизанскими джунглями».

Для армии индейские жители деревень, выжившие в резне и те, кто нашёл убежище в горах, автоматически были подрывниками. Начиная с региона Ишиль, десятки тысяч были захвачены и согнаны в новые «показательные деревни», в итоге созданные в четырёх «полусах развития» по всему высокогорью, чтобы «милитаризировать сельские общины на основе непомерного уровня контроля... над населением, считавшимся социальной базой партизан». Переселённые деревни укреплялись новыми дорогами и базами, которые должны были создать присутствие армии в контролируемой партизанами сельской местности.

Генерал Хосе Эфраин Риос Монтт, набожный христианин-евангелист с тесными связями с военной верхушкой и крупными земельными владениями на севере, пришёл к власти в результате переворота 1982 года. Риос Монтт сократил более заметное на международном уровне насилие в городах, но усилил нападения на индейское высокогорье. Он институционализировал и расширил систему показательных деревень, реализуя свою программу «оружие и бобы». Жителям деревень давали работу, жильё и еду, но фактически заключали в тюрьму в их же деревнях под военным контролем.

Из северного Киче контрповстанческая борьба распространилась через индейские регионы на юг и запад. К 1983 году около 80 процентов коренного населения высокогорий в Уэуэтенанго, Киче, Чимальтенанго и Альта-Верапасе были вынуждены покинуть свои дома хотя бы временно. К тому времени, как кровопролитие пошло на спад в конце десятилетия, было уничтожено более 600 деревень, убито 200 000 человек и 1,5 миллиона были перемещены. Около 150 000 бежали в лагеря беженцев через мексиканскую границу, другие – на удерживаемые партизанами территории в горах. В 2013 году Риос Монтт был признан виновным в геноциде населения майя.

Многие армейские солдаты тоже были майя, вынужденными нападать на деревни, похожие на их собственные. Будучи похищенными или насильно завербованными в подростковом возрасте, они подвергались жестокому обращению и индоктринации с антииндейским расизмом. «Армия убивает часть твоей идентичности, – объяснил один бывший рекрут. – Они хотят сломать тебя и сделать из тебя нового человека. Дикого человека. Они внушили мне желание убивать».

В деревне за деревней армия организовывала отряды гражданской самообороны (РАС), которые буквально вынуждали деревни нападать на самих себя и уничтожать себя. Военные комиссары (иногда крупные землевладельцы) получали оружие и власть в одной деревне за другой, а все взрослые мужчины принуждались к участию в новых патрулях под их контролем. РАС «превратили войну между повстанцами и армией в гражданскую войну среди индейских крестьян... Именно эти *ad hoc* группы... начали эскалацию кампании пыток, убийств и изнасилований... Политически расколотые общины... обратились против самих себя». К 1983 году по всей стране в РАС были мобилизованы миллион мужчин – практически всё взрослое мужское население.

Два антрополога подробно изучили, как функционировал эскадрон смерти в одной высокогорной деревне. После того как партизаны ОРПА ненадолго появились на публичном собрании, чтобы объяснить свои цели, военные вошли в деревню. Рядом появился армейский пост, и армия расширила власть местного военного комиссара, предоставив ему оружие и увеличив его отряд. По мере того как всё больше жителей вынуждены были или решались присоединиться, комиссары стали жестокой и произвольной властью, и последовал всплеск кровопролития: похищения, убийства и исчезновения, продолжавшиеся два года.

«Может возникнуть соблазн объяснить вспышку насилия в Сан-Педро социальной разобщённостью и сведением старых счётов, – предупреждают авторы, – но этому искушению следует сопротивляться. Религиозное соперничество и острая политическая борьба были чертами жизни [деревни] за десятилетия до 1980 года, но не приводили к насилию. То же самое можно сказать о межличностных антагонизмах. Они возникали и в прошлом и разрешались способами, не доходящими до убийства. То, что нарушило мир... было не наличием разногласий и расколов, а вербовкой армией агентов и шпионов, что привело к использованию этих трещин».

В новом кооперативе Санта-Мария-Теха в Икскане, как сообщала Манц, также «обычной практикой стало, когда начальник патруля распускал слухи о человеке, который ему не нравился, надеясь на какую-то личную выгоду для себя, в то время как жертва испытывала страх, военное наказание или даже смерть». Один лидер РАС сказал родственнику: «Теперь нет ни дядей, ни родителей, ни двоюродных, все одинаковы, так что берегитесь». Он считал, что если не донесёт на своих родственников, его самого обвинят и накажут.

Дженнифер Беррелл обобщила литературу и свои находки в Тодос-Сантос: «Личные и общинные конфликты были политизированы как индейцами майя, так и военными, чтобы подпитывать эскалацию войны в начале 1980-х годов. Люди почти всегда знали, кто стоял за доносом, приведшим к смерти близкого человека, и часто могли определить конфликт, который, вероятно, спровоцировал обвинение. Конфликты обычно возникали из-за земельных споров, прав на воду, невыплаченных долгов и внутренней напряжённости, вызванной классовыми различиями».

Паутину ужаса, сплетённую внутри изолированных индейских деревень, можно было проследить вплоть до Соединённых Штатов, которые предоставляли контрповстанческую идеологию, подготовку и методы. «Военные быстро научились не только терроризировать население, чтобы лишить партизан поддержки, но и включать его в новые идеологические и политические структуры власти», включая «дестабилизацию, психологические операции, внутреннюю полицейскую деятельность и маломасштабную войну». Репрессии передавались «квазиавтономным эскадронам смерти, укомплектованным армейскими и полицейскими офи-

церами, снабжаемым информацией рационализированными военными разведывательными агентствами и часто обученным Соединёнными Штатами».

В одной деревне в Эль-Киче гражданскому патрулю приказали убить всех мужчин соседней деревни и изнасиловать женщин, иначе их убьют самих. «Идея, по-видимому, состоит в том, что, как только эти люди оказываются вовлечёнными в преступления, они становятся сообщниками и союзниками в правительственной контрповстанческой кампании».

Секторы католической церкви, особенно среди миссионеров Мэрикнолл и иезуитов, были глубоко вовлечены в теологию освобождения, повышение сознания, кооперативы и другие движения, бросавшие вызов социальному порядку и правительству. В некоторых случаях они устанавливали связи с вооружёнными партизанскими движениями. Катехизаторы, члены христианских общинных базовых групп и миряне, участвовавшие в радио-, образовательной и другой деятельности, быстро попали под подозрение.

Священники, включая иностранных миссионеров, похищались, пытались и убивались. Церковные собрания и учреждения подвергались нападениям. Но главными жертвами стали крестьяне, мобилизованные в церковную активность. ООН задокументировала 1169 религиозных деятелей, которые были убиты, исчезли или подверглись пыткам, из них 921 были мирянами-катехизаторами.

Церковь закрыла всю епархию Эль-Киче в 1980 году из-за непрекращающихся репрессий и убийств нескольких священников. Епископ Хуан Херарди писал: «Уже четыре года на нас в Эль-Киче довлеет ситуация крайнего насилия, усугублённая военной оккупацией северной части департамента... Основную причину этого мы видим в системе экономического, социального и политического развития, поддерживаемой доктриной национальной безопасности, которая не учитывает интересы бедных, заставляя людей жить в царстве террора». Количество священников в Гватемале упало с шестисот в 1979 году до трёхсот к 1981 году, поскольку многие были убиты или бежали.

Мэрикноллы закрыли свои центры в Уэуэтенанго в 1979 году после того, как участники стали появляться в армейских списках. В общей сложности около четырёхсот из полутора тысяч студентов, участвовавших в программах, были убиты или исчезли. Их «Центр индейцев» в Гватемала-Сити закрыл свои двери в 1980 году после того, как был разграблен армией. Более восьмидесяти человек, связанных с центром, были убиты, а его основатель бежал из Гватемалы.

Уже после того, как насилие начало ослабевать, произошли ещё две известные религиозные жертвы. В 1989 году американская миссионерка, работавшая в Уэуэтенанго, сестра Дианна Ортис, была похищена, изнасилована и запытана гватемальскими военными. Перед похищением она получила несколько угроз, обвинявших её в сотрудничестве с подрывниками.

Ортис была освобождена через двадцать четыре часа. Чего нельзя сказать о епископе Херарди, который возглавлял епархию Киче в годы войны и координировал церковный проект «Восстановление исторической памяти» после окончания войны, полный скорбных свидетельств, которые позволяли сделать вывод, что военные несут ответственность за 80 процентов зверств, совершённых во время войны. Через два дня после того, как в 1998 году был опубликован доклад «Гватемала: никогда больше», Херарди был найден забитым до смерти насмерть возле своего дома.

В Центральной Америке, как и при диктатурах в Аргентине и Чили в конце XX века, «исчезать» стало переходным глаголом, а «исчезнувший» – существительным, обозначающим жертв исчезновения. Речь шла о людях, похищенных из домов, с рабочих мест или с улиц. Правительственные силы безопасности отрицали свою причастность или ответственность; иногда они заявляли, что этот человек вообще никогда не существовал. Тщетно близкие искали своих родственников в полицейских участках и армейских казармах. Иногда их изувеченные тела

находили, но чаще они просто исчезали бесследно. К концу войны в 1996 году в Гватемале насчитывалось около сорока пяти тысяч исчезнувших.

В 1984 году родственники исчезнувших сформировали Группу взаимной поддержки (GAM), а позже – Ассоциацию родственников задержанных-исчезнувших в Гватемале (FAMDEGUA) и Национальную координацию вдов Гватемалы (CONAVIGUA). Эти организации продолжают играть ключевую роль в кампании за справедливость и привлечение к ответственности в послевоенной Гватемале.

Грандин охарактеризовал Соединённые Штаты как «далёкого, но по-прежнему вовлечённого покровителя во время гватемальского геноцида». США организовали переворот 1954 года, а правительственные учреждения США (включая военных), бизнес и неправительственные организации сформировали модель развития, лежавшую в основе насильственной модернизации Гватемалы после переворота. Эти факты составляют почти невидимую основу гватемальского холокоста.

Официальная военная помощь США была прекращена в 1977 году из-за нарушений прав человека в Гватемале. Но помощь продолжалась по неофициальным каналам, в том числе через союзников США и получателей помощи, таких как Израиль.

Рональд Рейган, который активно добивался возобновления помощи США Гватемале, восторженно приветствовал переворот Риоса Монтта в 1982 году. Он посетил Гватемалу в конце года и заявил, что Риос Монтт «полностью предан демократии в Гватемале» и что ему «несправедливо досталось». В 1983 году Рейган снял эмбарго на продажу оружия Гватемале. И США, и ООН предоставили помощь для показательных деревень, которые, по словам Санфорд, «имели больше общего с нацистскими концлагерями», чем с каким-либо «проектом развития». За ними последовали частные американские организации, включая евангелические и другие НПО.

В 1985 году президентский пост выиграл христианский демократ Винисио Сересо – первый гражданский президент с 1966 года. Однако было ясно, что военные оставались реальным источником власти в стране. Избранный преемник Сересо совершил само-переворот в 1993 году, распустив Конгресс и Верховный суд, и в итоге был заменён бывшим омбудсменом по правам человека Рамиро де Леоном Карпио. Последний руководил переговорами с партизанской коалицией URNG, которые привели к подписанию мирных соглашений в Гватемале в 1996 году, сделав Гватемалу последней центральноамериканской страной, завершившей свою войну.

Для городских гватемальцев «ла виоленсия» обычно относится к периоду между 1978 и 1982 годами. Для сельских гватемальцев «виоленсия» не закончилась в 1982 году, а продолжалась гораздо дольше – вплоть до последних бомбардировок CPR и беженцев в горах Ишиль в 1990-х годах или до мирных соглашений 1996 года, которые наконец положили конец РАС. В этой «десятилетней кампании геноцида» массовые убийства были лишь началом. Геноцид продолжался с помощью тактики выжженной земли, уничтожавшей деревни и посевы, бомбардировок гражданских, бежавших в горы, стонания выживших в показательные деревни и долгосрочной военной оккупации и принуждения, которые продолжали осуществляться РАС даже после вывода армии. Даже после подписания мирных соглашений и официального роспуска РАС, то, что Санфорд называет «живой памятью террора», продолжает доминировать в жизни тех, кто его пережил.

Хронология жизни Марио Пайераса Йоланда Колом

То, о чем рассказывает эта книга, уже история.

Написанная на заре 1979 года и получившая премию «Каса де лас Америкас» в 1980 году; отредактированная и тайно распространенная Армией бедных – EGP – в 1980 году; изданная на испанском, английском, немецком, бенгальском и японском языках. Таков путь, пройденный этой книгой-свидетельством Марио Пайераса (1940–1995).

Спустя двадцать пять лет после того, как герои этих рассказов начали свои дни в джунглях, и когда большинство из них оставило жизнь в попытке преобразовать Гватемалу, выходит в свет данное издание.

Поселение в джунглях первого отряда EGP стало одним из самых богатых и поучительных революционных опытов Гватемалы. Для тех, кто прокладывал тропы в тропическом лесу на острие мачете, те годы стали временем становления и столкновения на практике идей о революционных переменах в нашей стране.

«Дни джунглей» отражают значение, которое первый партизанский опыт имел для той горстки гватемальцев, переживших его. Как свидетельство, эта книга лишь пытается передать впечатления и переживания автора; успехи и ошибки, как он их воспринимал. В этом смысле она дает ключевые элементы для понимания части нашей недавней истории. Она не стремится рассказать о предпосылках, целях, достижениях, перспективах. Она также не отражает весь горный опыт и не является критическим анализом. Достичь этого – задача коллективная и еще невыполненная. А Марио побудили к писательству более настоятельные причины: время, которое не умеет ничего, кроме как течь; память, которая, кажется, создана для забвения; и осознание смерти, когда действуешь в центре урагана.

По словам автора, семь лет борьбы в горах и джунглях на северо-западе Гватемалы стали его главным революционным опытом. Марио считал, что было привилегией пережить его, выжить и осмыслить, потому что редко столько событий совпадают в одном периоде жизни. Он также говорил, что если форма борьбы, преобладающая в этой книге, утратила актуальность, то цели, которые вели их в дни джунглей, – нет. И что значение имеют не успехи или неудачи, описанные в этих рассказах, а та правда, которую они содержат, и сегодняшняя значимость идеала, сделавшего их возможными.

Май 1998 года

Глава первая

19 января

19 января 1972 года на территорию Гватемалы проникла партизанская группа «Эдгар Ибарра» – основное ядро, из которого спустя годы должна была возникнуть Армия бедных (EGP). Так завершился целый период коллективных злоключений и лихорадочных приготовлений за границей, главная цель которых всегда была одна: вернуться в страну и возобновить в горах партизанскую борьбу. Однако обстоятельства, при которых мы, первые пятнадцать бойцов, пересекли границу, в последний момент оказались не теми, что мы предусматривали. Нашим намерением было войти незамеченными и развернуть вооруженные действия только тогда, когда внутри страны у нас будет необходимая база поддержки. Поражение предыдущего десятилетия было поучительным, и один из главных его уроков предупреждал о рисках импровизированных действий. Поэтому на этот раз мы не жалели сил, чтобы сделать всё как следует.

За несколько месяцев до этого, в рамках плана возвращения, небольшой группе товарищей удалось обосноваться на берегах Иксана, выдавая себя за мексиканцев. В местечке, совсем рядом с гватемальской территорией, они расчистили участки в джунглях и построили ранчо на обоих берегах реки. Пока они расчищали землю и сажали кукурузу, они подружились с местным населением. Однако этот первый небольшой подвиг стоил жизни одному из наших самых самоотверженных товарищей – Консепсьону Гарсии. Он плохо плавал, и во время одного из частых переправ на каноэ его унесло течением. Река так и не вернула нам его тело. Но маленькие просеки в джунглях и пальмовые ранчо, которые Сигуина помог построить, стали с тех пор секретной базой, которую в течение зимы 1971 года использовали остальные партизаны, чтобы приблизиться к границе. Из района Патара по безлюдным тропам сборщиков чикла и поселенцев вторая группа присоединилась к передовому отряду, тайно пересекая немногочисленные населенные пункты и проделывая большую часть пути ночью. Этот отряд нес с собой большую часть оружия и боеприпасов из нашего скромного тогда арсенала.

В декабре вошла последняя группа. Нас было трое товарищей, мы прибыли по воздуху на коммерческом самолете, совершавшем регулярные рейсы между мексиканским Иксаном и городом Комитан в Чьяпасе. Сверху была видна обширная лесная область, простиравшаяся до горизонта. Когда мы спустились на маленькую взлетную полосу, прорубленную в джунглях, мы ступили в мир ливней, где господствовал шум цикад и гром реки. Жара была удушающей, и нам было трудно двигаться под тяжестью атмосферы. Бледные от влажности и малярии сборщики чикла, живущие в глуши, предвещали вооруженных людей. В ту же ночь работники-чапанекцы с измерительной станции упоминали какой-то изрежеченный пулями труп, который река принесла с гватемальской стороны.

После нашего прибытия партизаны еще наслаждались несколькими днями затишья. Первоначальные планы предусматривали предварительную разведку зоны, прокладку просек для проникновения и создание минимальной социальной базы для поддержки военных усилий, используя приграничные ранчо в качестве тыла. Последние дни уходящего года и первые дни января были посвящены интенсивной деятельности. Пока группа на ранчо соблюдала внешние приличия, остальные откапывали оружие, переправляли снаряжение, устанавливали первые лагеря в глубине территории. Это была муравьиная работа, которая начиналась на рассвете и заканчивалась только с наступлением ночи. В это время мы развешивали гамаки, разводили огонь и после легкого ужина, состоявшего из двух кусочков тамале, присланных с ранчо, и порции бобов, слушали вечерние новости и шли спать. Это было время, когда следы ягуара были самыми большими событиями. К тому моменту великолепная библиотека, которую мы копили месяцами, была уничтожена воздействием стихии. Тома, содержавшие социальную мудрость XIX века были продырявлены прожорливостью термитов или с целыми страницами,

выцветшими от дождя. «Первый год русской революции», «Сто лет одиночества» и «Страна длинных теней» были единственными произведениями, которые нам удалось спасти от катастрофы. Остальное мы оставили зиме. Закон наименьшего усилия начинал управлять нашими движениями, и порядок приоритетов, продиктованный абсолютным реализмом, выстраивал в нашей жизни ценность материальных благ. В те дни разведывательный патруль глубоко проник в джунгли и вернулся с мясом пекари и обнадеживающими новостями. На несколько переходов вперед, с верхушки дерева они увидели вдаль, синие и явственные, горные цепи Уэуэтенанго.

Эти первые дни мы потратили на то, чтобы постичь элементарные истины джунглей. Мы попали в печальный мир, где разум лишь со временем учился находить ориентиры. Без них компас был бесполезным инструментом. Вскоре мы поняли, что о нашествии комаров и мошек лучше забыть. Меланхоличная песня гуанкололы отмечала часы в те первые дни дождя и одиночества. Мы научились различать листья, годные для заворачивания тамале, и узнали лиану, из которой получается чай, которая к тому же прочна для обвязки домов. Те из нас, кто знал лес, научили нас различать разные виды змей. Они объясняли повадки кораллового аспида с его смертельным сочетанием красно-черных колец и описывали бархатистую внешность барба-амарильи, имеющей зловещий нрав. Мы обнаружили, что колмойоте – личинка, которую заносит под кожу определенный комар, – погибает, если залить ее молоком койона или заклеить обычным пластырем. Хотя каждый день мы находили следы тапира, некоторые из нас видели самого зверя только через месяцы. А пока мы учились ориентироваться примитивно, используя свет и особенности местности. Пока что мы мало отваживались уходить в ту тишину бабочек и светлячков.

События ускорились во вторую неделю января. На ранчо стали часто появляться охотники, которые задавали слишком много вопросов и подвергали наших товарищей настоящим допросам. Партизанский отряд находился еще в шатком положении, без единого знакомого на гватемальской территории. Мы помнили о поражении в Боливии – одинокая партизанская группа в джунглях, преследуемая и без крестьянской базы; – но при этом мы спали с открытым глазом, подозревая чужаков и пришельцев. В нескольких лигах отсюда, на берегах Лакантуна, двумя годами ранее были убиты Марко Антонио Йон Соса и Сокорро Сикаль, легендарные партизанские командиры. Преследуемые, изнуренные долгим переходом через джунгли, они укрылись на мексиканской территории вместе с двумя-тремя своими людьми. Йон Соса совершил ошибку, приписав иностранным офицерам, в чьи руки он доверился, свое собственное чувство военной лояльности и чести. Этот горький опыт повлиял на наше решение, когда мы встали перед выбором. За ночь бдения, мучимые смешанными чувствами из-за рисков и преимуществ, которые влекло за собой действие, мы созрели для плана отступления. Оно должно было начаться с удара, который прогремит и предупредит наших товарищей в Мехико – другую часть отряда, которая тем временем готовилась войти в страну другими путями, поскольку до того момента у нас была лишь маленькая ячейка в столице. В любом случае, Таво выехал двумя-тремя днями раньше, чтобы передать предупреждение. Вторая, не менее важная цель состояла в том, чтобы дезориентировать врага относительно нашего тяжелого положения. Мы ни на минуту не упускали из виду, что, покинув приграничную базу, останемся предоставлены сами себе. В таких обстоятельствах взять инициативу в свои руки было самым разумным. Наконец, во время рейда мы должны были добыть припасы для отступления, которое, по нашим расчетам, займет месяцы. Так и случилось: на следующее утро, 19 января, в молниеносной операции мы захватили взлетную полосу и измерительные станции, подожгли два самолетика, владельцы которых были связаны с убийством Йона Сосы, разоружили и строго предупредили предполагаемых вражеских агентов, а затем, закупив большое количество продовольствия, на реквизированных моторных лодках предприняли эффектное отступление вниз по Лакантуну.

На следующее утро мы оказались в нескольких лигах к востоку, на берегах Шакльбаля, спешно выгружая оружие и припасы, добытые накануне. После эйфории от боя и аварийного

приключения на реке, при свете дня перед нашими глазами предстала реальность этой маленькой импровизированной армии. Перед группой, изнуренной бодрствованием и напряжением, вооруженной чем попало, лежал огромный груз, словно вышедший из трюмов корабля, а не из двух маленьких моторных лодок. Конфискованное оружие, патроны, упаковочные ящики, медикаменты, сельскохозяйственные инструменты, ботинки, мешки с провизией и пятнадцать набитых до отказа рюкзаков ждали нас в нескольких метрах от берега. На горизонте, жужжа, как осы, вражеские самолеты с раннего утра начали наши поиски. Итак, жребий был брошен. За нами начиналась совместная операция двух армий, которая должна была продлиться три месяца. Позже мы узнали, что на практике мексиканская армия свелась к бесплодным обходам по берегам крупных пограничных рек. На юге, существующие лишь на картах и в наших надеждах, гватемальские поселения, которые отныне стали севером для партизан. Перед нами – море сейб и конкастов, теряющееся в горизонте.

В тот день нам удалось продвинуться лишь на пятьсот метров. Измученные тяжестью полных патронташей и обычной ношей рюкзаков, мы делали маленькие шаги, неся на затылке то ящик с лекарствами, то связку ботинок, а сверх того – два-три дополнительных ствола. Одежда превращалась в лохмотья в постоянной борьбе с густой растительностью, потому что, чтобы не оставлять следов отступления, мы избегали прокладывать путь мачете. Однако следов мы оставляли предостаточно. Когда, балансируя, чтобы не упасть, мы наконец спустились в русло ручья, ботинки глубоко уходили в жижу, и мы застревали. Только с помощью другого удавалось выбраться на противоположный берег, после бесконечных скольжений. Чаках, опытный носильщик, напротив, проходил с полутора центнерами за спиной, рукой на мекепале, дыша ритмично и не сбавляя шага перед препятствиями. Тем из нас, кто не привык к этому традиционному способу ношения, мекепаль падал на лицо, и мы теряли обзор. Тогда мы предпочитали выдерживать вес только плечами, хотя это означало ссадины и невыносимую боль. Но теперь нас сдерживал то примитивный ремень, то оружейная портупея, то какая-нибудь из наших многочисленных конских сбруй, цепляясь за любое подходящее дерево. Если бы кто-нибудь в те минуты заговорил с нами о взятии власти и строительстве социалистического общества, мы бы, скорее всего, послали его к матери. Так что когда нам наконец удавалось выйти на твердую почву, обливаясь потом, Чаках уже оставил свою ношу впереди и возвращался из своего второго похода к реке. В ту ночь мы разбили лагерь разбитые, в десяти минутах от пляжа, после долгой битвы за то, чтобы разжечь огонь из сырых дров.

В таких условиях мы начали переход через джунгли. Вертолеты начинали гудеть с рассветом и замолкали только с наступлением ночи, постоянно идя по следу дыма или любого отблеска, который мог выдать наше присутствие. Хотя эффективность этих аппаратов на практике оказалась нулевой, было несколько случаев, когда вертолет зависал прямо над нашим лагерем, но, к нашему счастью, не мог нас обнаружить. С тех пор были организованы походные группы, установлены часы дежурства и узаконено молчание. Начались трудные дни начального этапа, поскольку после подсчета продовольствия и снаряжения они составляли большую часть груза. Короче говоря, строго и рационально рассчитывая пайки, мы имели масло, рис, соль и сахар на двадцать дней. Позже мы собрали немного кукурузы, которую успели сохранить в наших неудавшихся стратегических складах. С этим, вероятно, мы имели запас на месяц в походе, длительность которого мы не знали.

«Строго и рационально» означало, что организм бойца должен был использовать выданную порцию для восстановления энергии в течение одного-двух часов в день, учитывая, что время перехода было таким же долгим, как световой день. Сахара, углеводы и прочие ингриденты на остальные часы приходилось искать в обильных кладовых революционной воли и морали. Через неделю такого режима случайные разговоры во время привалов, многие беседы за едой и, как стало известно, даже некоторые одинокие речи, произнесенные во сне, начали вращаться вокруг этой злополучной темы. Естественно, это был также тот аспект, на котором

сильнее всего молотили во время долгих ночных собраний. «Сегодня, – начинал Себастьян с недвусмысленным укоризненным голосом, – произошел инцидент при раздаче завтрака, который...» Уже было ясно, что последует дальше. Это было привычное упоминание о полной кладовой, о которой говорилось выше. Замешанный брал слово и, после подробнейшего описания, примерно в течение часа, того, что ведущий собрание резюмировал за пять минут, в конце концов признавал, что действительно проявил слабость, облизав пустой мешок из-под сахара, вместо того чтобы прополоскать его водой, которая пойдет на кофе, сэкономив тем самым сахарное время. В десять часов, клевая носом, мы слушали итоговое резюме, а затем расходились по гамакам, обещая себе никогда не совершать подобных преступлений против коллективной экономики. Это была наша начальная школа, и именно она в конечном счете позволила нам выжить.

В те дни мы совершили одно из трех великих изобретений: кукурузную муку. Первым, естественно, был нейлон. Без этого материала просто невозможно жить в мире, где девять месяцев в году идут дожди. Чтобы открыть третье – резиновый сапог – потребовалось еще несколько месяцев хождения с ногами, промокшими с утра до ночи. Изобретение, о котором мы говорим, состояло в следующем: используя ручную мельницу, которую легко достать в крестьянских районах, мы дробили зерна кукурузы. Затем, в несколько проходов, получали относительно тонкую муку, варка которой на огне заметно сокращала традиционное время приготовления кукурузы и сильно уменьшала объем потребления. В виде вареной муки поглощается большое количество воды. Хотя эта система экономила время и зерно, имея несомненные преимущества для мобильности, уровень недоедания среди бойцов заметно повысился. Как мы позже убедились, систематическая охота была способом обеспечить партизан значительными добавками белка; но в то время у нас было мало возможностей для этого занятия, и еще не было много опытных охотников. Однако добытых время от времени зверей пожирали почти целиком, потому что, за исключением перьев, когтей и одного-другого трудноусвояемого хряща, все остальное варилось сообща, а затем делилось поровну, включая кости. Они, зажаренные на углях, являются первоклассной пищей во времена голода.

На второй неделе похода с нами случилось небывалое. Однажды, вскоре после пересечения реки Пьедрас-Бланкас, члены разведывательного патруля нашли сверток, покрытый нейлоном, висящим на дереве. Тщательно осмотрев место, мы обследовали окрестности. С юга на север шла просека, прорубленная не более трех месяцев назад. Срезы заканчивались у деревянных опор, где и находилась таинственная находка. Устроив засаду, мы долго лежали в засаде. Спустя, возможно, час, приняв все меры предосторожности, мы приблизились к свертку и осмотрели его. Он был тщательно завязан, и изнутри исходил безошибочный запах домашней провизии. Это и вправду были припасы, оставленные там по неизвестным нам причинам. Там была соль, вареные яйца, молотый перец и тотопосте на несколько дней. Это могла быть еда, принадлежавшая тем, кто прорубал просеку и временно отсутствовал в этом районе; но также возможно, что это была вражеская уловка. Кто-то из патруля, движимый желудком, не исключал полностью, что эти припасы могли быть оставлены для нас сочувствующими крестьянами. К острому предположению он, конечно же, добавлял предложение принять дар и немедленно его уничтожить. Однако в этот раз мы удалились, ничего не тронув, и доложили о случившемся. На следующий день, после совещания и принятия соответствующих решений, мы вернулись на место и забрали вещи. Привязав к пустой веревке, завернув в кусочек нейлона, записку, где объясняли, кто мы и какова причина нашей борьбы, а также точную сумму того, что забрали. Как мы узнали месяцы спустя, вещи действительно принадлежали группе рубщиков просеки, которые, вернувшись на место, нашли наше послание и деньги. Этот маленький случай стал лучшей визитной карточкой партизан, поскольку история о нашей честности передавалась из уст в уста и со временем вышла за пределы джунглей.

После этого события мы несколько дней шли на восток, всё еще в химерическом измерении карт. Вертолетные облеты не прекращались ни на миг, поэтому мы передвигались с величайшей осторожностью. Кроме настойчивого шума военных моторов, единственным, что нарушало тишину в тех местах, были внезапные стада пекари и отдаленный гомон стай попугайчиков. Иногда мы находили огромные упавшие сейбы, чьи могучие стволы были гораздо длиннее нашей колонны. Мы больше не видели солнца и начали терять чувство времени. Мы были первыми, кто прошел здесь за несколько столетий. Время от времени, когда мы копались в перегное по естественной нужде, мы откапывали индейские черепки. Это были маленькие свидетельства того, что в прошлом эти широты были обычными путями великих человеческих миграций. Мы вставали на рассвете, под всеобщий птичий гам, и продвигались весь день в молчании или почти не разговаривая. У нас было достаточно времени, чтобы поразмыслить, чтобы разобраться в наших самых сокровенных классовых мотивациях. О чем каждый думал в течение бесконечного дня? Мы были мозаикой кровей и социальных происхождений. Лачо, Хорхе, Хулиан и Марио принадлежали к этнической группе ачи. Несмотря на языковые и культурные связи, они не составляли группы. Лачо не давали покоя загадки и зловключения индейской идентичности посреди враждебной и одновременно желанной культуры. Других, возможно, эти вещи не так сильно тревожили, и они, вероятно, чаще останавливались на элементарном осознании того, что люди организуют и фрагментируют мир, движимые материальными интересами. Чаках, Торибио, Атилио, Хакобо и Эфраин были побережниками, более или менее эксплуатируемыми. Каждого из них товарная экономика региона поставила в разное положение и заставила думать по-разному. Собственность, ручной труд, чтение, детская нужда и общая беда под законами частной собственности разделяли их, объединяли и в конечном счете привели к тому, что они восстали вместе. Алехандро и Минче были из восточных регионов; оба происходили из крестьянства и немного различались по достатку. Очень бедный первый, зажиточный второй, будучи семенами одной земли, стали разными видами. Алехандро был щедрым апельсиновым деревом, Минче – кактусом с труднодоступными плодами. Себастьян, Виктор, Эдгар и Бенедикто пришли из городов и приобрели там знания и груз. Первые убеждали их, что материя находится в движении; вторые мешали им менять свое революционное состояние с той же быстротой. Нас было пятнадцать, и только время заставит каждого принести свои плоды. Руководство было коллективным, и его осуществляли ветераны Сьерра-де-лас-Минас и прежнего городского сопротивления. Однако один из них, Виктор, упорно ориентировался в джунглях с помощью компаса и карт прошлых горных хребтов, в том направлении, куда эта партизанская группа никогда не должна была вернуться. Он умел руководить нашими небольшими военными силами на местности; но в его кругозоре всегда отсутствовала перспектива партизанского движения как зародыша, который должен быть одновременно армией и политической организацией. Он никогда не понимал, что мы тут не просто для того, чтобы отстаивать его имя, оппортунистически возвеличенное и направляемое заинтересованными лицами после смерти команданте Луиса Турсиоса Лимы, а для того, чтобы построить новую правду. Мы догадывались, что впереди нас ждет слишком много новых событий, и знали, что историю делают коллективы, а не отдельные личности.

Тогда мы обнаружили, что в джунглях время подчиняется расписанию шумов. Когда солнце поднималось и смолкала утренняя суeta, оставался только плач спумуй. В некоторых местах рев обезьян-ревунов или крики краксов в полете отмечали линию горизонта. Это было время, когда мы останавливались, чтобы съесть то, что оставили от завтрака. На закате поднимался последний скандал попугаев и ара; это был час, когда нужно было собирать хворост, разводить огонь и развешивать гамаки. Начинали часы, когда воздушные виды замолкали и начинали звучать ночные млекопитающие. Влажная тропическая ночь наполнялась визгом носух, кашлем кошачьих лемунов и самокритикой бойцов. У рек до рассвета мера времени зависела от перемежающейся песни козодоя. На следующий день – тот же самый распорядок. По

мере продвижения мы оставляли позади большие деревья с гомоном обезьян. Через несколько недель того же зоологического расписания джунгли начали казаться нам океаном, без определенных маршрутов и точек прибытия. Позади нас оставалось лишь порхание больших лесных бабочек.

Через месяц после пограничной акции мы достигли пойм реки Шакльбаль. В истории партизанского движения это было памятное место, потому что там мы нашли первые признаки населенных мест. Мы нашли деревце дикого апельсина в полумраке леса с календарем цветения, сбитым из-за недостатка света. В самый разгар февраля на нем еще держались тощие плоды прошлого года. Торибио убил на этом месте двух оленей. Мясо этих животных и несколько краксов, сбитых в окрестностях, облегчили упорное недоедание тех дней. Пройдя полджунглей, мы были голодной армией в лохмотьях. Бледность, свойственная тому, кто долго не получал солнечного света, и характерный запах того, кто копил пот на одежде, отличали этот отряд теней, двигавшийся по инстинкту. Большинство из нас были кожа да кости и выполняли дневные переходы почти как способ забыть о навязчивом голоде. Запас кукурузы подходил к концу; сахара оставалось на один-два дня, не больше. Масло кончилось на прошлой неделе. Накануне мы повалили целый лес, чтобы добыть мед из ульев, но, к несчастью, питательная сила этого дикого продукта вызвала у нас боли в желудке и неудержимый понос. Если бы в те дни мы не достигли первого поселка, положение партизан стало бы чрезвычайно тяжелым. Однако близость населенных пунктов означала для нас и возможность столкновения с вражеской армией. Это затишье могло означать лишь то, что правительственные солдаты ждут нас в обжитых местах. К надежде и риску, перемешанным вместе, добавлялась неопределенность из-за народной реакции. Алехандро, иногда учитывая нашу малочисленность, имел обыкновение пророчить, что не за горами тот день, когда за нами пойдет длинная колонна рекрутов, потому что его всегда отличала безграничная вера в народ. Но он же часто рассказывал о сценах крестьянского ужаса, свидетелем которых он был в деревнях Сакапы во время антипартизанских наступлений армии в 66–67 годах. Он видел горящие ранчо и крестьян-пособников, которые тогда избегали присутствия партизан. Поэтому по мере того как мы продвигались и находили признаки обитаемых мест, внутреннее напряжение в каждом росло. И всё же мы осознавали, что живем прекраснейшим приключением в нашей жизни.

В день, когда кончилась кукуруза, мы вышли на просеку, прорубленную два года назад. Накануне мы перешли вброд Шакльбаль и шли на юг в поисках поселка, обозначенного на карте всего лишь точкой. В то утро мы пошли по тропе на юго-запад, снова приближаясь к реке. После полудня, недалеко от берега, мы обнаружили заросший банановый сад. Внезапные крики сорок постоянно держали нас в напряжении. Тропинки оттуда были вполне видны и уходили на юг. Однако в тот день темнота помешала нам продолжить путь, и мы повесили гамаки возле старого лагеря рубщиков, в районе манако. Перед сном мы сожрали последние порции оленины и остатки риса, прибереженные на самый крайний случай. На рассвете мы снова двинулись в путь, и с этого момента удвоили осторожность, так как было очевидно, что мы приближаемся к какому-то жилому пункту. Отпечатанные в грязи, сохранившиеся во влажном полумраке джунглей, мы нашли первые следы обутой ноги, хотя и очень старые. Поверх них различались отпечатки лап сопровождавших собак. В полдень авангард доложил, что на маленькой прогалине у тропы обнаружил покинутое ранчо, внутри которого рос куст чили с плодами. Столбы были выбелены птичьим пометом, а в окрестностях виднелись только следы диких животных. Старая наезженная тропа уходила на юг, извиваясь через старые леса, которые отзывались эхом, когда мы натыкались на какой-нибудь ствол.

В первые часы дня пришло известие, что авангард наткнулся на дома. Мы получили приказ устроить засаду на обочине тропы, уже регулярно используемой. Всё, что мы могли разглядеть в деревне, – это яркий свет, который производила прогалина, и кое-где старые топорные срубы. Был час глубокой тишины в джунглях, едва нарушаемой осторожными движениями

птиц в высоких ветвях. Мы ждали долгое время, слушая биение своих сердец. Затем мы услышали со стороны деревни пение петуха. Это был первый раз за месяцы, когда этот приятный горн достиг наших ушей. Мы переглянулись взглядом, в котором было одновременно что-то от страха и от радости. Вот они, наконец, бедняки нашей страны; но мы не знали, каким будет их ответ. По мере того как время ожидания тянулось, мы различали новые звуки: кудахтанье кур, далекие удары мачете, знакомые женские голоса, созывающие домашнюю птицу. Внезапно раздался резкий и интенсивный собачий лай. Для тех, кто ждал с замиранием сердца, это был недвусмысленный знак того, что наши товарищи заговорили с жителями поселка. Мы знали, что в этот момент решалась, к добру или к худу, судьба партизанского отряда. Последующие минуты были предельно напряженными, но по походке и по выражению лица товарища, пришедшего нас информировать, мы сразу поняли, что всё обошлось хорошо. Новости и вправду не могли быть лучше. Разведка вокруг поселка нашла только следы несколькихдневной давности и никаких признаков присутствия врага. Когда они подошли к домам, худощавый парень с густыми бровями и зычным голосом, ничуть не удивившись одежде и оружию тех, кто к нему обращался, приветствовал их по-дружески, сразу добавив, что накануне они говорили о нас. Всего было шесть семей, недавно обосновавшихся на этой маленькой прогалине, и по радио они узнали о пограничной акции. У них еще не было кукурузы, но они предоставили в наше распоряжение то немного, что имели. В ту ночь мы собрали мужчин поселка, подробно объяснили им причину нашей борьбы и торжественно объявили, что мы победим.

Глава вторая

Рубелолом

Дни, проведенные нами в поселке, многое прояснили нам о положении нашего народа и о трудностях, которые таила в себе борьба за его освобождение. Его жители прибыли со всех четырех сторон света, обосновавшись в джунглях после неописуемых мытарств и бедствий. Большинство не умело читать, и единственной их связью с внешним миром было радио. За исключением доступа к солнечному свету и оседлой жизни, условия их существования во многом походили на партизанские в трудные времена. Однако вместо того чтобы проходить большие расстояния каждый день, они должны были валить вековые леса, полагаясь лишь на силу своих рук и помощь топора. Они пришли сюда в надежде получить надел; но они прибыли в эпоху, когда в джунглях еще не было дорог. Это был самый северный населенный пункт в регионе Иксана. Мы нашли его случайно, потому что место, которое мы искали на карте, оказалось картографической ошибкой. Они сами не знали, что на другой стороне реки уже несколько месяцев существует рынок. А пока они выживали на кукурузе, купленной за много лиг отсюда. Еженедельный рацион они дополняли сбором диких трав или поиском дичи, когда у них были патроны для дробовика. Поэтому их болезни были типичны для недоедания. Они просили у нас лекарства от недугов, которые могло бы исцелить только полное изменение общественного строя. Поэтому на следующий день мы взялись за дело. Разделившись на группы, мы помогали им на полевых работах, где требовалось много рук, лечили какие-то зараженные зерна, чинили покосившиеся двери и помогали рубить дрова, заодно ломая кое-какой сельскохозяйственный инструмент. Это был лучший способ объяснить, что мы, бедные гватемальцы, должны делать. Когда мы уходили оттуда, с рюкзаками такими же пустыми, как и прежде, но переполненные удовлетворением, были посеяны семена дружбы, которая со временем станет нерушимой.

Наше военное хозяйство, следовательно, существенно не улучшилось. В районе, который мы покидали, кукуруза должна была появиться только к августу. Начинало сбываться великое учение начального этапа: война в нашей стране будет продвигаться в ритме времен года. Вскоре нам предстояло убедиться, что нарушать этот закон бесполезно, а механически следовать ему – безответственно. Поэтому, пока свершались астрономические сроки, партизаны должны были продолжать свои будни. В поселке мы узнали, что в нескольких часах пути отсюда есть более крупная деревня, где по определенным дням недели бывает рынок. В поисках этого места мы отправились в тот же день. Мы были убеждены, что только пустив корни среди населения, мы сможем в конце концов решить проблему выживания, и только расположившись в зонах, где действуют рыночные механизмы и которые густо заселены, мы сможем по-настоящему развить войну. Однажды утром с небольшой возвышенности мы смогли охватить взглядом всю панораму джунглей. Был месяц тамборильо, и перед нами предстал незабываемый мир его желтого цветения. На юге, величественные, по соседству с небом, вершины северного склона Сьерра-де-Чама – недостижимая тогда для нас цель. Там, много лиг выше, мы угадывали многолюдные индейские края, где в обозримом будущем предстояло организовать партизанские армии. Мечтать было позволено. А пока что нашим царством были джунгли – с их опасностями, одиночеством и бесконечными расстояниями.

В поисках Санта-Мария-Теха мы заблудились на тогдашних пустынных дорогах. В те дни проходила холодная волна, и впервые за время похода мы не потели. Ту ночь мы проспали на берегу Техи, полностью сбившись с пути. На следующий день мы продолжили путь по гребню Эль-Кантиль – небольшой скалистой горной цепи с большими пещерами, полными летучих мышей, где местные индейцы ставили свечи своим богам и тайно проводили церемонии.....древней религии. Мы появились на несколько лиг восточнее, в индейском поселке муниципалитета Успантан. Узнав о нашем присутствии, жители заперлись в своих домах или

ушли в лес. В какой-то момент ситуация приняла драматический оборот. Некоторые бойцы вынуждены были бежать за отстающими и приказывать им остановиться. Мы никогда не забудем те мгновения. Партизанский отряд внезапно остался один на улицах. Те немногие обитатели деревни, которые согласились разговаривать, заперлись в своем диалекте, и нам не удалось получить от них ни зерна, ни информации. Та деревушка называлась Долорес. По две лепешки на брата и смутные указания, как найти нужный нам поселок, – вот всё, что мы смогли от них добиться. Там мы впервые услышали слово «мака» – страшное слово, которое тогда означало для нас нечто большее, чем просто «нет», приобретая целую коннотацию отказа с многовековыми корнями. В амбаре того, кто так отказывал нам в кукурузе, виднелись сложенными несколько «сонтеc» этого необходимого для жизни зерна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.